

Не отводя глаз

М А Л О В

Не отводя глаз

«Автор»

2026

МАЛОВ

Не отводя глаз / МАЛОВ — «Автор», 2026

Эта история начинается не с громких лозунгов и не на баррикадах. Она начинается в тишине офисных кабинетов, в шуршании архивных папок, среди сухих строчек электронных отчётов и на мелких жёлтых стикерах, приклеенных к краям мониторов. Мы привыкли думать, что система — это гигантские неприступные стены. Но на самом деле она состоит из привычек. Из привычки промолчать, подписать документ не глядя, отвернуться и убаюкать себя удобной формулировкой: «Вопрос урегулирован в рабочем порядке». Из привычки верить, будто один человек ни на что не способен. Эта книга — о тех, кто отказался отводить глаза. Любые совпадения случайны. Текст является художественным вымыслом.

© МАЛОВ, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Не отводя глаз

Предисловие

Любые совпадения случайны. Текст является художественным вымыслом.

Эта история начинается не с громких лозунгов и не на баррикадах. Она начинается в тишине офисных кабинетов, в шуршании архивных папок, среди сухих строчек электронных отчётов и на мелких жёлтых стикерах, приклеенных к краям мониторов.

Мы привыкли думать, что система — это гигантские неприступные стены. Но на самом деле она состоит из привычек. Из привычки промолчать, подписать документ не глядя, отвернуться и убаюкать себя удобной формулировкой: «Вопрос урегулирован в рабочем порядке». Из привычки верить, будто один человек ни на что не способен.

Эта книга — о тех, кто отказался отводить глаза.

Её герои не искали героизма. Артём, Лена, Игорь, Шрам — самые обычные люди, которые в какой-то момент просто решили делать свою работу честно. В мире, где ложь стала ритуалом, такая честность неизбежно начинает казаться бунтом. Их главным оружием стали не громкие заявления, а логи доступа, архивные письма, выверенная хронология и простое рабочее правило: «Тут не сходится. Надо посмотреть».

Эта история о том, как семейная память, передающаяся от деда к внуку, становится защитным панцирем против цинизма. О том, как тяжело даётся выбор между личным покоем и правдой. И о том, что настоящая победа наступает не тогда, когда звучат фанфары, а когда умение не проходить мимо неправды становится тихой, естественной нормой.

Переверните страницу. И попробуйте смотреть внимательно.

Пролог. Запах эпохи

Москва, 19 июня 1996 года.

Время будто застряло, приостановились стрелки эпохи, в воздухе гулко повисла тишина.

Охранник на проходной Белого дома сидел, провожая острым взглядом снующих мимо людей.

Мимо прошли двое — быстро, слишком быстро для тех, кому нечего скрывать. Один нёс коробку. Обыкновенную. Белую. С лаконичным логотипом «Хегох» — словом, которое в те годы почти перестало быть названием фирмы, превратившись в синоним самой идеи копирования, тиражирования, бесконечного повторения.

Внутри лежали пачки денег, перетянутые резинками. Но в секунду пересечения проходной коробка оставалась просто коробкой — без легенды, без истории. Она ещё не стала приговором или оправданием, поводом для отставки или темой для анекдотов. Просто предмет: картон, клей, типографская краска.

Но запах эпохи уже пропитал её.

Этот запах был сложным, многослойным, почти алхимическим. В нём смешивалось старое и новое: типографская краска тысяч листовок, расклеенных по всей Москве; дешёвый кофе из пластиковых стаканчиков от бессонных ночей в штабе; новые, ещё пахнущие магазином костюмы людей, слишком быстро взлетевших наверх; пыль и дерево старого здания.

И над всем этим витал ещё один, едва уловимый аромат — страха. Не того, что кричит, а того, что шепчет. Страх ошибиться, не успеть, потерять всё за один неверный шаг.

В 1996 году этот страх казался почти осязаемым. Он висел в воздухе, как смог, и проникал под кожу, заставляя людей говорить быстрее, двигаться резче, смотреть настороженнее.

За окном город жил своей жизнью. По улицам неслись машины — старые «Волги», «Москвичи», «Жигули»... побитые «девятки», тонированные «мерседесы», в воздухе витал сизый выхлоп от плохого бензина.

На афишах мелькали лица политиков, артистов, певцов. Все что-то обещали, что-то важное, все хотели быть услышанными. Общество было истощено, напугано и расколото, некоторые боялись возвращения коммунистов или гражданской войны.

А здесь, в коридоре, время замедлилось. Каждый звук казался громче: скрип подошвы по полу, щелчок замка, тихий голос охранника:

— Стойте. Откройте коробку.

Пауза.

Она длилась не дольше секунды, но в ней уместилось целое будущее. За это мгновение люди успевали подумать о самом главном — о том, что сейчас откроется не просто коробка, а дверь в другую реальность.

Крышка поднялась.

Пачки денег вспыхнули в свете ламп, как страницы книги, написанной не чернилами, а цифрами. И в этот миг коробка перестала быть просто коробкой. Она стала точкой отсчёта.

Позже об этом будут говорить по телевизору, писать в газетах, вспоминать в мемуарах. Будут спорить, кто был прав, кто виноват, кто кого подставил. Искать скрытые смыслы, тайные знаки, заговоры. Смеяться над фразой: «А что было в коробке из-под ксеркса?».

Но в ту секунду никто не знал, что держит в руках историю.

Они просто стояли. Смотрели. Дышали этим тяжёлым, насыщенным эпохой воздухом. И ждали, что будет дальше.

А дальше была буря.

Глава 1. Штаб

Артём Волков вошёл в штаб так, будто переступал невидимую черту между обычной жизнью и историей. Он ещё не знал, что эта дверь за спиной уже не откроется в прежнем виде — нельзя дважды войти в одну и ту же реальность, особенно если за ней начинается предвыборная гонка 1996 года.

Коридор был длинным, узким и каким-то слишком деловитым: ни картин на стенах, ни цветов в кадках — только голые панели, тусклые лампы дневного света и таблички с номерами комнат, будто это не центр кампании, а филиал строгого НИИ. Но стоило пройти дальше, как тишина разбивалась о гул голосов, треск факсов, короткие выкрики и стук клавиш.

В большой комнате, которую все называли просто залом, кипела работа. Люди сидели группами, склонившись над картами и графиками; кто-то спорил в углу, кто-то кричал в трубку так, будто от громкости зависела судьба страны. На столах громоздились стопки листовок, пачки газет, коробки с наклейками, а поверх всего — чашки с чёрным, как дёготь, кофе, который пили литрами.

— Ты Волков? — спросил мужчина в мятом пиджаке, не поднимая глаз от блокнота. — Тогда бери вот это.

Он сунул Артёму лист бумаги, испещрённый пометками.

— И иди к Смирнову. Он скажет, что делать. Только быстро. У нас тут не библиотека.

Артём кивнул, хотя хотел спросить: «А что вообще происходит?», но вовремя прикусил язык. Здесь не любили лишних вопросов. Здесь ценили скорость и готовность.

Он нашёл Смирнова в углу зала, возле большого стола. На нём лежала огромная карта Москвы, расчерченная на квадраты, как шахматная доска.

Смирнов был из тех, кто, казалось, вообще не спит. Глаза красные, но острые, а движения резкие, дерганые.

— А, новенький, — бросил он, едва взглянув. — Слушай. У нас сегодня развоз по трём округам. Листовки, плакаты, наклейки — всё, что есть. Едешь с

бригадой. Задача простая: доставить, раздать, проследить, чтобы не свалили в подвал. Вопросы?

— Нет, — сказал Артём, хотя вопросов хватало.

— Вот и хорошо. Меньше знаешь — быстрее работаешь.

И Артём побежал. Сначала — вниз, к машинному двору и складу, с коробками листовок в охапку, потом обратно вверх по лестницам — за накладными и адресами старших по районам, стараясь не сбить тех, кто несётся навстречу. Потом понял: «бегать» здесь это не про ноги, а про голову. Успеть подумать, решить и сделать до того, как ситуация изменится. В штабе время текло иначе: за пять минут успевали родиться и умереть целые стратегии.

Время в штабе спрессовалось. К обеду, когда за окнами пошёл серый липкий дождь, а на столах вырасти завалы из пустых пластиковых стаканчиков, Артём уже научился отличать «горячий» маршрут от «провального». Научился читать пометки на полях и понимать, когда человек на словах «в порядке», а сам вот-вот сорвётся. Видел, как люди выгорают за часы: утром человек входил бодрым и уверенным, а к вечеру сидел, ссутулившись, и смотрел в одну точку, будто пытался разглядеть в ней смысл происходящего.

А ещё он видел, как здесь относятся к словам. Слово «история» произносили часто, но без пафоса — скорее, как технический термин вроде «бюджета» или «графика». Здесь не говорили «мы меняем мир», говорили «мы закрываем округ». И в этом было что-то пугающе честное.

Глава 2. Коробка

Артём не сразу понял, что именно делает. Ему просто сказали: «Иди, помоги упаковать». В штабе не спрашивали «зачем», спрашивали «когда будет готово».

Коробка стояла на полу в маленькой комнате без окон — такой тесной, что двое едва помещались. Обычный белый картон из-под бумаги «Хегох». На боку — типографская надпись, чуть потёртая, будто её уже использовали. Артём мельком подумал: странно, что взяли старую, а не новую. Но тут же выбросил эту мысль. В штабе всё служило делопроизводству, ничего не берегли для красоты.

Рядом стоял Борис, один из старших координаторов. Лицо у него было такое, будто он одновременно решал три задачи и помнил ещё о десяти. Он кивнул Артёму:

— Держи резинки. Перетягивай пачки. Аккуратно, но крепко.

Артём взял первую пачку. Она была тяжёлой — непривычно тяжёлой для документов. Бумага так не весит. Но задавать вопросы не стал: в первый день лучше работать руками, чем языком.

Резинка щёлкнула, туго обхватив пачку. Звук вышел резкий, почти злой — будто сама резинка возмущалась, что её заставляют держать что-то слишком важное. Артём перетянул вторую пачку, третью. Борис молча укладывал их в коробку — ровно, плотно, чтобы ничего не болталось.

В коридоре кто-то засмеялся. Смех был слишком громким, слишком быстрым — так смеются не от веселья, а чтобы не закричать. Артём невольно вздрогнул. Борис даже не повернул головы.

— Не отвлекайся, — сказал он спокойно. — Тут каждая секунда на счету.

Кто-то прошёл мимо двери, шаги затихли. В комнате стало чище и тише, и от этой тишины воздух казался плотным, тяжёлым.

Артём потянулся за следующей пачкой и замер. Пальцы мгновенно похолодели. Это были не документы. Не листы, не отчёты, не графики. Пачки купюр, перетянутые банковскими лентами.

Борис заметил его взгляд. Без осуждения или строгости — просто констатируя факт.

— Да, деньги, — сказал он буднично, будто речь шла о пачках газет. — На расходы кампании. Без лишней бюрократии. Понял?

Артём кивнул, хотя ничего не понял. Ни про «расходы», ни про «без бюрократии». Сделал это просто потому, что в этой комнате кивок оставался самой безопасной реакцией.

Борис посмотрел на часы. Секунды тянулись мучительно долго — будто время давало шанс всё отменить.

— Ещё две пачки, — сказал Борис. — И закрываем.

Артём механически перетянул ещё одну. Резинка снова щёлкнула — теперь этот звук казался сигналом тревоги.

Коробка наполнялась. Пачки ложились ровно, будто знали своё место. Артёму вдруг пришла нелепая мысль: это же ящик Пандоры. Только не из мифов, а такой, каким он и мог быть в девяностые — потёртый, утилитарный, без позолоты, зато с логотипом «Херох» на боку. В эти годы даже легенды становились бытовыми, а катастрофы приходили в картонной упаковке.

Крышка легла сверху. Борис подогнал её, чтобы сидела плотно, затем посмотрел на Артёма — прямо, без улыбки, но и без угрозы:

— Ты ничего не видел. Ты просто помогал упаковать документы. Понял?

Артём снова кивнул. На этот раз — не от страха, а от странного осознания: он только что переступил невидимую черту. И вернуться назад уже не получится.

Борис встал и подхватил коробку. Она казалась непривычно тяжёлой, но он держал её уверенно — как человек, привыкший нести груз, о котором не говорят вслух.

— Пошли, — сказал он. — Нас ждут.

Они вышли. В коридоре всё ещё висел тот же нервный смех. В дальнем конце кто-то кричал, срываясь на панику. Мимо пронеслась девушка с папкой, не глядя по сторонам — будто если она остановится, всё рухнет.

Артём шёл за Борисом, смотрел на картон в его руках и пытался внушить себе: «Это просто коробка. Просто деньги. Просто работа». Но самообман не работал. Внутри всё сжималось от понимания: «просто» уже не будет.

Только сдав груз и получив короткую передышку, Артём смог снова выйти в коридор — сделать глоток воздуха и прислушаться к себе. В груди колотилось не от бега, а от ощущения, что он оказался в эпицентре чего-то огромного и неуправляемого. Будто стоял вплотную к турбине, которая гудела, вибрировала и могла в любой момент сорваться с креплений.

Рядом остановилась та самая девушка с папкой. Посмотрела так, словно прочитала его мысли.

— Первый день? — спросила она спокойно, без насмешки.

— Да, — признался Артём.

— Не пугайся. Тут все сначала дикие. Потом привыкаешь к шуму. Главное — не перепутать, где заканчивается работа и начинается... ну, ты понимаешь.

— Что?

Она чуть улыбнулась — грустно, одними уголками губ:

— Там, где начинается твоя жизнь. Но здесь её теряют первой.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Лена. Я из аналитики. Если что — ищи меня. Без ориентиров здесь быстро сходишь с ума.

Она кивнула и шагнула в поток людей, мгновенно в нём затерявшись. Артём остался стоять, чувствуя, как этот хаос затягивает и его.

Когда он вернулся в зал, атмосфера изменилась. Столы и люди оставались на местах, но воздух стал ощутимо плотнее, давил на плечи. Кто-то вошёл, и все разом затихли, подтянулись, будто по команде.

Это был Кирилл Мещерский — человек, которого слушали беспрекословно.

— Так, — произнёс он, остановившись в центре зала. Голос негромкий, но отчетливо слышимый в каждом углу. — У нас утечка. Кто-то сливает планы конкурентам. Поэтому с этого

момента — никакой лишней информации. Никаких разговоров в коридорах. Никаких «я тут другу шепнул». Поняли?

Все кивнули. И никто не рискнул встретиться взглядом с соседом.

— И ещё, — добавил Мещерский, чуть помедлив. — Сегодня вечером важная доставка. Документы, наличные. Всё, что нужно, чтобы мы дожили до следующего этапа. Это не обсуждается. Это делается.

Он обвёл зал взглядом, и от этого молчаливого давления у Артёма похолодели пальцы.

— Кто в группе сопровождения?

Поднялись руки. Много рук. Артём тоже поднял — не от смелости, а потому что опустить взгляд было невозможно. Это ощущалось как присяга: ты

поднимаешь руку и с этой секунды больше не имеешь права сказать «я не знал».

— Хорошо, — кивнул Мещерский. — Работаем. Время не ждёт.

И оно действительно не ждало. Ритм затягивал, как набирающий ход состав, и Артём вдруг понял: он уже не на перроне. Он внутри вагона, и двери за ним заблокированы.

Вечер провалился в суету: поручения, адреса, подписи, коробки, возникающие ниоткуда и исчезающие в никуда. Артём делал всё, что прикажут, и старался не задавать вопросов. Но один всё же застрял в голове занозой: «Что именно мы делаем?».

Когда хаос немного улёгся, он снова встретил Лену. Она сидела на подоконнике в пустом коридоре и смотрела в окно на темнеющую Москву.

— Ну что? — сказала она, не оборачиваясь. — Чувствуешь, как засасывает?

Артём прислонился к стене. Ноги гудели, голова кружилась от усталости и от осознания, сколько всего уместилось в эти несколько часов.

— Чувствую, — ответил он. — Но не уверен, что мне это нравится.

Лена повернулась. В её глазах читалась выгорающая усталость, но вместе с ней — какая-то упрямая, холодная ясность.

— Тут мало кому нравится, — произнесла она. — Но почти все остаются. Когда оказываешься внутри такого замеса, кажется, что если уйдёшь — пропустишь главное. Смотришь вниз с высоты: тошнит, но взгляд не оторвать.

— А ты? — спросил Артём. — Ты почему осталась?

Лена помолчала, будто взвешивая, стоит ли откровенничать.

— Хочу знать, как все устроено на самом деле. Не из газет, а изнутри. Даже если это грязно. Даже если потом будет тошно вспоминать.

Артём не нашёл, что ответить. Он просто стоял и слушал, как в тишине коридора гулко, настойчиво отсчитывают секунды настенные часы.

— Пойдём, — Лена спрыгнула с подоконника. — Покажу одно место. Там можно хотя бы дышать нормальным воздухом.

Они прошли по коридору, свернули в боковой проход, поднялись по узкой лестнице и оказались на маленькой площадке под самой крышей. Отсюда открывалась часть города: темнеющие крыши, леса антенн и редкие, одинокие огни в окнах.

Ветер трепал волосы — и казался настоящим, живым, не таким, как внизу, где всё пропиталось нервной гарью и пылью.

— Здесь тихо, — сказала Лена. — Почти.

— Почти, — повторил Артём.

Они стояли плечом к плечу, глядя на светящийся внизу гигантский мегаполис, который и не подозревал, сколько судеб сейчас перекраивается в одном единственном здании. И в этот миг, вопреки суете и тревоге, Артём впервые

почувствовал не страх, а хрупкое спокойствие — будто пока они стоят здесь, под открытым небом, всё ещё можно переиграть.

Но это был лишь короткий обман.

Он рассеялся в ту же секунду, когда из глубокой темноты лестничного пролёта снова долетел треск раций, разрывающий гул телефонов и короткий, сухой приказ:

— Готовьте коробку к погрузке и выезду.

Лена сидела в тесном закутке, который в штабе гордо именовали «аналитическим блоком», хотя на деле это была бывшая кладовка, где раньше хранили рулоны ватмана. Пахло пылью и старой бумагой — этот запах она почти полюбила: он был честным, без прикрас. В отличие от остального штаба, где каждый старался казаться важнее, чем есть.

Перед ней на шатком столе лежали распечатки, вырезки, графики — всё, что должно было помочь разглядеть незаметное: слабые места, точки давления, скрытые мотивы. Для Лены аналитика была не про цифры, а про людей. Она верила: если правильно прочитать человека, цифры сами сложатся в понятную картину.

Лена смотрела на одну и ту же строчку минут пять, но не воспринимала её.

В голове крутился разговор с Артёмом на крыше — его негромкое: «А где заканчивается работа?» Вопрос зацепил, потому что простого ответа не существовало. Лена привыкла защищаться от людей сухой аналитикой, но в Артёме не чувствовалось подвоха...

А началось всё с отца.

Он преподавал историю в провинциальном пединституте и верил, что знание делает человека свободным. По вечерам раскладывал на кухонном столе старые газеты и учил дочь читать между строк: «Смотри не на то, что написано, а на то, о чём молчат. Не на заголовки, а на углы, где прячется правда».

В 1991 году отец потерял работу. Институт разваливался: кафедры объединяли, зарплаты задерживали месяцами. Он не жаловался, но Лена видела, как он ломается: из человека, который знал ответы, превращается в человека, ищущего оправдания. А потом начал пить — не каждый день, но достаточно, чтобы в доме поселилась тишина, в которой стыдно стало смеяться.

Лена решила: она такой не будет. Не станет ждать, пока мир решит её судьбу. Поступила на социологию в Москву, жила в общежитии, подрабатывала в газетной редакции, где быстро научилась отличать сенсацию от мусора. Там же впервые поняла: политика — это тоже мусор, только упакованный в красивые слова.

На третьем курсе попала на стажировку в предвыборный штаб. Тогда это казалось приключением: яркие плакаты, громкие лозунги, ощущение, что меняешь страну. Но уже через неделю увидела, как лозунги подгоняют под фокус-группы, а фокус-группы — под бюджет. И осознала: чтобы не стать мусором, нужно быть тем, кто решает, что пойдёт в корзину, а что — в эфир.

Так она научилась быть циничной. Не злой, не жестокой — просто перестала верить словам. Только фактам, графикам и холодному расчёту. И ещё — человеческим слабостям. Потому что именно они чаще всего решают исход любой кампании.

В дверь постучали — коротко, неуверенно. Это был Артём.

— Можно? — спросил он, будто боялся нарушить её уединение.

Лена отодвинула стопку бумаг, освобождая место. Места на краешке стола осталось вприкрыт, но жест получился почти радушным.

— Заходи. Только не удивляйся завалам. У меня тут своя логика, хотя со стороны выглядит как разгром.

Артём сел на единственный стул и огляделся — словно пытался прочитать Лену по этим стенам и бумажным завалам.

— Ты тогда сказала... про то, чтобы не терять, где заканчивается работа и начинается жизнь, — произнёс он осторожно. — А ты сама... как не теряешь?

Лена задумалась. Не потому что не знала ответа, а потому что редко формулировала его вслух.

— Я не теряю, потому что сразу решила: работа — это инструмент. Не смысл. Не семья. Не любовь. Просто инструмент, чтобы держать равновесие.

— Звучит... холодно.

— Зато честно, — улыбнулась она, но улыбка вышла грустной. — Знаешь, когда с детства видишь, как человек, учивший тебя верить в лучшее, постепенно перестаёт верить даже в себя, начинаешь ценить то, что можно измерить. График, прогноз, вероятность. Они не предают.

Артём помолчал, переваривая услышанное.

— А если... окажется, что инструмент сам тебя меняет?

— Тогда нужно вовремя поменять хватку, — ответила Лена. — Или отпустить. Главное — не обманывать себя, будто всё ещё им управляешь.

За стеной кто-то громко крикнул, затем раздался смех — резкий, нервный, какой бывает у людей от бессонницы. Штаб кипел своей беспокойной жизнью, и Лена вдруг почувствовала, как сильно устала от этого постоянного гула.

— Знаешь, — произнесла она тише, — я пришла сюда, потому что хотела понять, как всё устроено. Думала, разберусь в механизмах и смогу их... ну, не знаю, починить. Или хотя бы не дать сломать кого-то ещё. А оказалось, они сконструированы так, чтобы ломать. И чем лучше ты их понимаешь, тем яснее это видишь.

Артём хотел ответить, но не нашёл слов. Вместо этого просто кивнул — принял её правду без попытки спорить или успокаивать. И в этом не было жалости, только признание: «Я тебя слышу».

Лена посмотрела на него и вдруг поняла: впервые за долгое время ей не хочется прятаться за сухими формулировками.

— Прости, — сказала она, чуть усмехнувшись. — Наверное, слишком много философии.

— Нет, — тихо ответил Артём. — Ты прозвучала как человек, который слишком много видел.

В этот момент в коридоре раздался голос Мещерского — резкий, властный, пробивающий стены.

— Лена! Ко мне. Срочно.

Она вздохнула — будто сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Работа, — сказала она Артёму, вставая. — Инструмент не ждёт.

И ушла, оставив его одного в маленькой комнате, где пахло пылью, старой бумагой и правдой, которую мало кто готов слышать.

Глава 3. Лена: расчёт и трещина

Лена шла по коридору, и шаги её звучали твёрдо — будто она сама себе напоминала: сейчас не время сомневаться. Кабинет Мещерского располагался в конце крыла, за тяжёлой дверью, которую вечно заклинивало. Сегодня она поддалась с непривычной лёгкостью, будто в штабе даже вещи подстраивались под общий темп.

Мещерский сидел, склонившись над картой, и водил по ней пальцем — словно пытался стереть то, что уже произошло. Когда Лена вошла, он лишь коротко кивнул: без приветствий и вводных слов.

— В Юго-Восточном округе развоз накрылся, — сказал он, не поднимая глаз. — Конкуренцы знают маршруты. Кто-то слил.

— Откуда? — спросила Лена.

— Доступ к файлу имелся у шестерых. Распечатки — у троих. Звонки по этому маршруту шли только внутренние.

Мещерский поднял взгляд. В нём не читалось злости — лишь сухая, выжженная усталость человека, работающего на пределе возможностей.

— Ты лучше всех знаешь расклады. Скажи, кто.

Лена не стала делать вид, будто ей нужно время. Она уже всё просчитала, пока шла по коридору.

— Это не кто-то из наших основных. Им есть что терять. Это тот, кто сбоку. Тот, кто рассчитывает остаться незамеченным.

— Конкретнее.

— Посмотри на Игоря из логистики. Он вчера спрашивал про резервные маршруты — якобы чтобы «подстраховаться». А резервных у нас нет. Он просто проверял их наличие.

Мещерский замер. Затем медленно кивнул.

— Хорошо. Разберись. Тихо. Без шума. Мне нужен не скандал, а чтобы завтра развоз пошёл как надо.

Лена снова кивнула и вышла, прикрыв за собой дверь. В коридоре было шумно, как всегда, но теперь этот шум казался ей не хаосом, а набором сигналов, нужно только уметь их слышать.

Она нашла Игоря в подсобке, где он перебирал коробки, будто искал что-то, чего там никогда не было. Увидев Лену, он чуть вздрогнул, едва заметно, но достаточно.

— Привет, — сказала Лена спокойно, будто зашла просто поболтать. — Слушай, тут накладке по Юго-Востоку. Ты не помнишь, кому ты вчера про маршруты говорил?

Игорь нахмурился, но не от напряжения, а от попытки быстро придумать ответ.

— Никому. Я просто... сам себе отмечал. Чтобы не запутаться.

— Понятно, — так же спокойно сказала Лена. — Просто у Мещерского данные другие. Будто кто-то звонил по этим адресам и спрашивал, когда ждать бригаду.

Игорь побледнел, не сильно, но достаточно, чтобы Лена всё поняла.

— Я не... — начал он, но запнулся.

— Не надо, — перебила Лена. — Если ты сейчас скажешь правду, я смогу тебя прикрыть. Если будешь врать, прикрою себя. А ты останешься один на один с Мещерским.

Игорь опустил голову. Плечи его как будто стали уже.

— Мне позвонили, — тихо сказал он. — Сказали, что из штаба, попросили уточнить. Я и не подумал...

— Кто?

— Номер незнакомый. Голос... обычный.

Лена вздохнула. Не от злости, от того, как просто всё рушится. Из одной маленькой доверчивости.

— Ладно, — сказала она. — Иди в зал. Никому ни слова. Я всё улажу.

Когда он ушёл, Лена осталась стоять посреди подсобки, среди коробок и пустых папок. И впервые за долгое время ей стало не просто холодно, а пусто. Как будто цинизм, который столько лет её защищал, вдруг треснул, и сквозь трещину потянуло сквозняком.

Она не хотела никого спасать. Она хотела просто делать свою работу. Но оказалось, что работа это и есть спасение. Даже если спасаешь того, кто этого не заслуживает.

Глава 4. Полковник Громов: стена между порядком и хаосом

Полковник Громов не любил кабинеты в Белом доме: слишком просторные и оттого казавшиеся пустыми — будто из них специально выметали всё лишнее, включая тишину. Здесь она не успокаивала, а давила, как плотная, не пропускающая воздух ткань.

Он сидел за столом, глядя на угол стены, где стык панелей лёг чуть неровно. Эта маленькая кривизна почему-то успокаивала. В мире, где всё стремилось выглядеть идеально даже во время внутреннего распада, неровный стык казался честным. Он напоминал: никакая полировка не скроет сути.

На столе лежала папка с грифом «Срочно». Громов не спешил её открывать. Он давно усвоил: самые важные решения принимаются не при чтении сводок, а когда чувствуешь, как

факты ложатся на существующий порядок вещей. А порядок он понимал как стену между хаосом и тем, что ещё можно спасти.

В дверь коротко постучали — по-деловому, как стучат люди, знающие, что их ждут. Вошёл капитан Назаров, его правая рука: молодой, собранный, со взгляда которого ещё не сбили прямую уверенность.

— Товарищ полковник, всё готово. Лисовский и Рошин на проходной. Охрана держит их до вашего распоряжения.

Громов кивнул, не поднимая головы:

— Что в коробке? — спросил он, хотя ответ знал заранее. Но знать — не значит принять.

— Деньги. Много. Неоформленные.

Слово «неоформленные» застряло в тишине кабинета, как тяжелый осадок.

— Кто дал команду задержать?

— Вы, товарищ полковник. Вчера. По вашему устному распоряжению.

Громов наконец поднял глаза. В них не читалось ни торжества, ни злости — лишь усталость человека, который слишком долго подпирал стену и теперь чувствовал, как она начинает крениться.

— Хорошо. Значит, не позволим ей упасть.

Назаров чуть помедлил, будто намеревался что-то добавить, но сдержался. Громов ценил это качество: лишние слова в такие моменты только сбивают прицел.

— Идите. Останьтесь рядом. Если начнётся... буря, мне понадобятся люди с холодной головой.

Когда дверь закрылась, Громов открыл папку. На первой странице белела распечатка телефонного разговора: обрывки фраз, паузы, интонации, которые аналитики пытались превратить в доказательства.

«Власть — это не право приказывать, — подумал он. — Это обязанность отвечать за происходящее. Даже за то, чего ты не хотел».

Громов вспомнил свой первый день в органах. Тогда казалось: всё просто. Есть закон, есть порядок, есть враги. Теперь он знал, что враги бывают разными. Одни приходят с оружием, другие — с улыбками и коробками из-под офисной бумаги. Вторые опаснее: они умеют убеждать, будто действуют ради общего блага.

Телефон на столе зазвонил — резко, почти грубо, выбивая из воспоминаний.

— Громов, — коротко ответил он.

Голос в трубке был знакомым, властным — из тех, что привыкли к беспрекословному подчинению.

— Александр Петрович, вы соображаете, что делаете? Это же удар по всей кампании.

Громов помедлил секунду, взвешивая каждое слово.

— Я соображаю, — сказал он ровно. — Я держу стену. И если через неё пытаются пронести то, что её обрушит, я обязан это пресечь. Даже если кому-то неудобно.

Тишина на том конце провода давила тяжелее любого крика.

— Вы всегда были неудобным, Александр Петрович.

— Зато порядок держится.

Он положил трубку, не дожидаясь ответа. Встал, подошёл к окну. Москва внизу казалась чужой — слишком раскидистой, суетливой, шумной. Город, разучившийся останавливаться и думать.

За спиной скрипнула дверь — снова Назаров. На этот раз во взгляде капитана читалось не ожидание приказа, а прямая тревога.

— Там... журналисты у проходной. Кто-то слил.

Громов медленно кивнул. Он ждал этого. В подобных делах тишина сохраняется ровно до тех пор, пока есть время сделать выбор. А потом наступает момент, когда выбор уже сделан.

— Значит, идём до конца, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Пусть видят: порядок — это не красивые слова. Это умение не отводить взгляд, когда все вокруг просят зажмуриться.

Глава 5. Стрельцов: искусство вовремя закрыть дверь

Кабинет Виктора Стрельцова был устроен хитро: с виду никакой роскоши, сугубая функциональность — будто здесь не вершат судьбы, а составляют сметы. На столе — стопки бумаг, многоканальный телефон, чашка остывшего чая. Но за этой простотой угадывалась продуманная декорация: всё работало на то, чтобы посетитель видел перед собой человека дела, не склонного к пафосу, зато способного просчитать ситуацию на десять ходов вперёд.

Стрельцов сидел, слегка наклонив голову, и прислушивался к коридорному шуму. Кто-то нервно шагал туда-сюда. Шаги суетливые, сбивчивые — так ходят люди, осознавшие, что опоздали, но всё ещё надеющиеся проскочить.

— Значит, задержали, — тихо произнёс он, не поднимая глаз. — И коробку opened.

Его собеседник, помощник, чьё лицо перекосило от застрявшего испуга, кивнул столь ревностно, что это выглядело почти комично:

— Да. И уже попало в новостные ленты. Пока только короткой строкой, но...

— Скоро всплывёт везде, — закончил за него Стрельцов. — Спасибо, что не стал кричать «всё пропало». Это я и без тебя знаю.

Помощник хотел добавить что-то ещё, но Стрельцов остановил его легким жестом.

— Дай мне минуту.

Минута в его понимании была не просто отрезком времени, а профессиональным инструментом — возможностью отделить панику от сухих фактов. Он закрыл глаза. В голове, как на мониторе, пронеслись варианты — холодные, очищенные от эмоций, будто шахматные комбинации:

«Начнём оправдываться — признаем вину. Промолчим — нас сочтут виноватыми. Переведём стрелки — потеряем тех редких сторонников, кто ещё верит. Сделаем вид, что ничего не произошло — нас поднимут на смех. Значит, не нужно ни оправдываться, ни молчать, ни сваливать на других. Нужно изменить рамку. Переименовать само событие».

Он открыл глаза.

— Слушай внимательно. Мы не утверждаем, будто «ничего не было». Это ложь, а ложь в таких делах держится ровно до первого въедливого вопроса. Мы скажем: «Да, была коробка. Да, в ней находились средства. Это элемент сложной финансовой логистики предвыборной кампании. Сейчас мы проверяем, всё ли оформили должным образом, и первыми заинтересованы в полной прозрачности».

Помощник нахмурился:

— Прозрачность? Сейчас?

— Именно сейчас, — спокойно ответил Стрельцов. — Когда от нас ждут попыток спрятаться, мы покажем, будто скрывать нечего. Не потому что нечего, а потому что эта позиция выглядит сильной. В политике сила — это не отсутствие провалов. Это умение выдать провал за продуманную особенность.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом раскинулась Москва — гигантский муравейник, несущийся куда-то на предельной скорости.

— Знаешь, — произнёс он, глядя на улицы, — я читал про одного римского консула. Он проиграл сражение, но так изящно преподал это сенату как тактический манёвр, что вместо наказания получил триумф. История благоволит не тем, кто прав, а тем, кто умеет рассказывать.

Помощник молчал, переваривая услышанное.

— А если спросят про конкретные суммы? Про документы?

Стрельцов чуть улыбнулся — сухо, с усталостью человека, видевшего сотни рухнувших планов:

— Тогда мы ответим: «Мы разбираемся. Как только сформируется полная картина, мы её представим». И начнём разбираться. Не для поиска правды — её мы уже вряд ли откопаем. А для создания новой версии. Достаточно убедительной, чтобы её перестали ковырять.

В дверь стукнули — коротко, по-деловому. Вошёл второй помощник с папкой.

— Звонок из администрации. Требуют срочный доклад.

Стрельцов кивнул, будто ждал этого вызова:

— Хорошо. Готовь справку на три абзаца. Первый — факт задержания. Второй — наша позиция. Третий — план действий. И вверни фразу: «Мы рассматриваем ситуацию как возможность повысить прозрачность финансовых процессов».

Когда помощники вышли, он снова остался один. Тишина вернулась, но теперь она стала звенящей, готовой взречь от любого звука.

Он сел за стол, достал из ящика потрёпанные «Записки о Галльской войне» Цезаря. Открыл наугад и прочитал первую попавшуюся строку: «Великие дела начинаются с малых решений».

— Вот именно, — прошептал он. — С малых. И с правильно подобранных слов.

Телефон снова зазвонил. Стрельцов снял трубку:

— Стрельцов, — произнёс он абсолютно ровным тоном. — Да, я на связи. Давайте обсудим, как мы будем выправлять ситуацию.

Пока он говорил, на другом конце здания, в тесном подсобном помещении, Артём и Лена сидели рядом, переводя дыхание.

— Поверить не могу, — произнесла Лена, глядя в одну точку. Голос её был тихим, но без паники — скорее с сухим, злым изумлением. — Все схемы, все расклады... Слиты вчистую.

Артём молчал, не зная, чем её утешить. Всякая попытка выдать банальность сейчас выглядела бы фальшиво.

— Думаешь, это конец? — спросил он.

Лена повернула к нему лицо. В её глазах читалась усталость, перемешанная с горькой правотой человека, который ждал катастрофы, но всё равно оказался не готов к её масштабу.

— Это не просто сбой в расчётах, Артём. Это как строить дом и вдруг осознать, что фундамент хлипкий. И он уже поплыл.

Он хотел возразить, но слова застряли в горле. Врать не имело смысла — она была права.

Из коридора доносился нарастающий гул: переключки, ругань, нервное хлопанье дверей. Штаб разваливался на глазах, погружаясь в суматоху.

— Нам нужно выходить, — тихо сказал Артём. — И осмотреться.

Лена помедлила. На секунду прикрыла глаза, выравнявая дыхание, затем встала и поправила волосы.

— Ладно. Пойдём.

Они шагнули из подсобки в коридор, и хаос накрыл их с головой.

А в это время полковник Громов стоял у окна и смотрел на вечернюю Москву. За окном сгустились сумерки — тяжелые, сизые, налитые влагой.

Назаров стоял рядом, не решаясь нарушить молчание.

— Они будут давить, — наконец произнёс капитан.

Громов не ответил сразу.

— Пусть давят, — сказал он. — Стена должна выдерживать ветер. Иначе это карточный домик.

Он повернулся к Назарову. Голос полковника звучал сухо и ровно:

— Подготовьте отчёт. Всё по порядку: кто, когда, где. Без эмоций и оценок — только факты. Пусть потом разбираются.

Назаров кивнул и вышел, мягко прихлопнув за собой дверь.

Громов остался один. За стеклом окончательно стемнело. В штабе на Ленинградском, в кабинетах на Старой площади и в Кремле уже поднимали трубки, сверяли списки и переписывали релизы. Буря, которой так долго ждали, наконец началась.

Глава 6. Накануне

Вечер лёг на Москву тяжело, будто город устал притворяться бодрым. Артём и Лена шли по улице, не выбирая маршрута — туда, где меньше людей. В штабе воздух был слишком густым от планов, нервов и чужих голосов, хотелось глотнуть чего-то настоящего.

Афиши на тумбах пестрели лицами политиков, певиц и актёров. Все обещали что-то важное, все хотели быть услышанными. Но сейчас, в сумерках, эти лица казались плоскими, как забытые после праздника картонные маски. Лена скользнула взглядом по одной афише и усмехнулась:

— Смотри. «Будущее уже здесь». И ведь верят.

Артём пожал плечами. Говорить не хотелось: слова, сказанные в штабе, всё ещё звенели в ушах, и любые новые казались фальшивыми.

Мимо пронеслась тёмно-синяя иномарка, блестящая, из совсем другого мира. Она обдала их гарью бензина и улетела в сторону Тверской. Лена посмотрела ей вслед:

— В детстве я думала: вырасту — обязательно купим такую с отцом. Не из-за красоты. Просто казалось, что в ней можно уехать туда, где никто ничего от тебя не требует.

— А сейчас? — спросил Артём.

— А сейчас понимаю: в такой машине всё равно придётся ехать по этим же улицам. И смотреть на эти же афиши.

Они свернули в тихий переулок. Здесь пахло жареным луком, картошкой и тёплым асфальтом — домашним, понятным запахом. У лотка женщина в тёплом платке спокойно переворачивала на решётке ломтики. В её привычном, заученном движении чувственный покой уличной Москвы на мгновение перешибал всю политику.

— Хочешь? — Лена кивнула на лоток.

Артём улыбнулся — впервые за день по-настоящему.

— Хочу. Самое важное решение за сутки.

Они взяли по порции в блёклых бумажных кульках и пошли дальше. Картошка оказалась горячей, пересоленной, но именно такой, какой и должна быть уличная еда в девяностые: горячей и честной.

В витрине закрытого магазина на манекене висел строгий двубортный пиджак. Лена задержалась у стекла.

— Знаешь, — сказала она, — когда я только пришла в штаб, казалось: если буду достаточно умной, собранной и циничной, меня перестанут задевать чужие слова. Стану непробиваемой.

— И не стала?

Лена покачала головой:

— Почти. Но иногда всё равно пробивает. Когда кто-то ораторствует: «Мы делаем историю!», а ты видишь, как он прячет глаза, потому что сам не верит ни единому слову.

Артём хотел сказать что-то ободряющее — про то, что не все вокруг продались, но вовремя сдержался.

— Зато ты не прячешь, — сказал он вместо этого. — Ты видишь всё как есть. И всё равно остаёшься.

Лена нахмурилась, разбирая, комплимент это или упрёк. Потом вздохнула и улыбнулась:

— Наверное, потому что боюсь: уйдёшь — и будешь гадать всю жизнь, можно ли было хоть что-то изменить. Свою малую деталь.

На перекрёстке загорелся жёлтый. Мимо пробежал мальчишка с рюкзаком, задел Лёну плечом, бросил на ходу «извините» и растворился в сумерках.

— Вот он точно знает, куда бежит, — усмехнулась Лёна.

— Может, и не знает, — тихо ответил Артём. — Просто бежит, потому что стоять на месте тошно.

Лёна посмотрела на него внимательно, будто заново оценивая:

— Ты хороший, Артём. Для нашего штаба это почти опасная черта.

Они вышли к набережной. Москва-река лежала тёмной, тяжёлой полосой, в которой дробились огни фонарей и рекламных щитов. Речной ветер остужал лицо. Лёна подошла к парапету и оперлась на него руками. Артём встал рядом.

— Завтра будет тяжёлый день, — произнесла она, не поворачиваясь. — Всегда тяжело, когда кажется, что всё зависит от одного шага.

— А если не зависит? — спросил Артём. — Если всё решили на верхушке, а мы просто декорации?

Лёна помолчала, глядя на тёмную воду.

— Тогда тем более нужно делать своё дело честно. В мелочах. Хотя бы в том, чтобы не врать себе.

Где-то ниже по течению коротко загудел катер — звук долетел, растворяясь в шуме вечернего города.

— Пойдём, — Лёна оторвалась от гранитного парапета. — Завтра действительно будет длинный день.

Они повернули к станции метро, смешиваясь с прохожими. Город шумел, спешил и жила своими тревогами, но на эти полчаса он перестал казаться враждебным.

Глава 7. Задержание

Утро началось как обычно, будто ничего не предвещало срыва. В штабе уже шумели: кто-то доказывал что-то в телефонную трубку, кто-то молотил по

клавиатуре, кто-то подписывал листы на ходу, едва ли глядя в текст. Артём шёл по коридору, пытаясь войти в привычный ритм. Но в общем гуле ощущался новый, фальшивый надрыв — здание не работало, а судорожно создавало вид работы.

Он искал Лёну. Вчерашняя прогулка всё ещё стояла перед глазами: пересоленная картошка в бумажном кульке, тёмная река, разговор без стратегий и предвыборных лозунгов. На фоне того вечера нынешняя суeta казалась чужой.

Лёна нашла у двери Мещерского. Она стояла замерев, словно не могла заставить себя постучать. Заметив Артёма, она скользнула по нему взглядом с коротким облегчением.

— Ты вовремя, — сказала она, понизив голос. — Мещерский вызывает обоих. Срочно. «Срочно» в штабе никогда не обещало ничего хорошего.

Мещерский сидел за столом с таким видом, будто провёл бессонную ночь за перебором паршивых вариантов, из которых не было ни одного правильного. Он коротко кивнул на стулья:

— Садитесь. У нас проблема.

— Какая? — сразу спросила Лёна.

— На проходной стоят. С постановлением. Хотят осмотреть помещения и изъять документы. Ну и прижать кого-то из координаторов.

В кабинете стало тихо. Сквозь закрытую дверь даже коридорный шум словно срезало.

— Кто именно? — спросил Артём. Собственный голос показался ему глухим.

Мещерский посмотрел на него с усталой прямоотой:

— Пока не знаю. Но если войдут, начнут с тех, кто на виду. С тех, кто вчера проходил по ведомостям доставки.

Лёна резко выдохнула:

— Коробка. Они знают про коробку.

Мещерский лишь кивнул:

— Значит, к их приходу здесь не должно остаться ни одной бумаги, которую можно пришить к делу. Ни списков, ни черновиков.

— А люди? — спросил Артём. — Людей куда?

— Людей не спрячешь, — отрезал Мещерский. — Но можно дать им единую версию. Чёткую, простую, без виляний. Чтобы никто не поплыл на первых же вопросах.

Он встал и подошёл к окну, глядя во двор.

— Артём, — произнёс он, не оборачиваясь. — Ты сегодня не на развозе. Ты на подхвате. Если спросят — знать ничего не знаешь про маршруты, коробки и наличность. Просто переносил папки. Понял?

Артём попытался выдавить «да», но горло пересохло. Он просто кивнул.

— И главное, — Мещерский повернулся. — Вызовут на беседу — не спорь и не проявляй инициативу. Отвечай ровно то, что сказано. Ни словом больше.

Лена поднялась, сбрасывая оцепенение:

— Я займусь базами. Уберу всё, где есть адреса и фамилии. И с аналитиками проговорю. Мещерский отмахнулся:

— Делай.

В коридоре шум навалился с новой силой — штаб изо всех сил имитировал рабочий день.

— Держи, — Лена сунула Артёму стопку распечаток. — Это черновики. Надорви и в пакет. Только без шредера, он визжит на весь этаж. Рви руками. Быстро.

Пальцы у Артёма отнялись, бумага сопротивлялась, рвалась неровными, громкими хлопьями.

Мимо пролетел парень из техгруппы, бледный, с дикими глазами:

— На проходной уже! — бросил он на бегу. — Двое в гражданском. Охрана их держит, но ненадолго.

Лена замерла на секунду. Артёму показалось: сейчас она сдаст. Но она просто закрыла глаза, сделала медленный вдох и открыла их — сухие, собранные, без тени паники.

— Пошли, — сказала она. — Успеем.

Следующие десять минут прошли в лихорадочном, расчётливом движении: они раздавали указания, прятали папки, уничтожали списки, чистили жесткие диски.

А потом по коридору раскатился голос — спокойный, чистый, привыкший глушить любой шум:

— Служба безопасности. Оставайтесь на местах. Приготовьте документы.

В штабе мгновенно стемнело от тишины.

Из-за угла вышли двое в тёмных костюмах — без лишней суеты, с той отработанной уверенностью, от которой сводит зубы. За ними шли двое оперативников в форме.

Мещерский вышел навстречу, ровно, без суеты, будто встречал плановую проверку:

— Добрый день. Чем обязан?

Старший в гражданском раскрыл кожаную папку:

— Постановление на осмотр помещений и изъятие документации по финансированию кампании. Также нам нужно опросить ряд сотрудников. Начнём с руководства.

Мещерский слегка склонил голову — без подобострастия, принимая правила игры:

— Проходите. Кабинет справа.

Оперативники двинулись по коридору, сканируя лица. Оставшиеся в коридоре замерли, словно ждали, что кто-то сейчас отменит происходящее.

Глава 8. Взгляд с проходной

Охранник Виктор Степанович сидел на своём месте у проходной — там, где стена потемнела от времени, а линолеум под стулом стёрся до белёсой полосы. Он знал эту точку до мелочей: угол обзора, где в полдень ложится тень, скрипучую половицу и походку каждого, кто

входил в здание. По шагам можно было безошибочно угадать: свой идет или чужой, спешит или виноват.

Сегодня шаги были другими. Не привычная суетливая, деловая беготня предвыборного штаба, а тяжёлая, приглушенная поступь — будто каждый боялся шагнуть слишком громко и привлечь внимание.

Виктор Степанович помнил, как Артём пришёл сюда впервые. Парнишка стоял перед турникетом, мял в руках пропуск и смотрел на охранника так, словно ждал разрешительного знака. Виктор тогда чуть улыбнулся по-стариковски и кивнул:

— Проходи. Тут все сначала дёргаются. Потом привыкаешь.

Артём выдохнул, сбросил напряжение и прошёл внутрь, едва заметно ссутулившись.

С тех пор прошло не так много времени, но Артём заметно изменился: из парня, который постоянно оглядывался в поисках укрытия, он превратился в человека, который точно знает, где лежат папки, в какой из комнат тише и у кого не стоит спрашивать лишнего. Но при этом остался какими-то незлым. В штабе, где каждый пытался выглядеть жестче, чем есть, это бросалось в глаза.

Сегодня Виктор Степанович ещё до звонка понял: что-то надвигается.

Телефон затрезвонил резко, со срывом. Виктор снял трубку и услышал сухой, торопливый голос начальника охраны:

— На подходе. Двое в гражданском и группа. Ордер. Проход освободи, не мешай. Просто стой на месте.

Трубка суховато щёлкнула.

Виктор положил её на рычаг и медленно провёл ладонью по столу — давняя привычка, появлявшаяся всегда, когда хотелось за что-то ухватиться.

Они вошли через три минуты. Не торопились, но и не мешкали — шли с той плотной уверенностью, с какой входят туда, где их ждут и боятся. Двое в тёмных костюмах, за ними оперативники в форме. На лицах — ни злости, ни азарта. Обычная работа.

Виктор поднялся. Не по инструкции — просто по привычке перед «официальными».

— Документы, — коротко роняя слова, произнёс старший и протянул папку.

Виктор глянул мельком, не вчитываясь: постановление, право на осмотр, право изымать. Он кивнул и отошёл от стойки, освобождая проход.

Глава 9. Кабинет Мещерского

Кабинет Мещерского внушал уверенность не роскошью, а порядком. На столе — только необходимое: многоканальный телефон, тонкая папка, ручка, стакан воды. Никаких личных вещей или завалов из бумаг. Даже настенный календарь был чист, без записок. Мещерский жил не датами, а задачами.

Когда вошли двое в штатском, он не вскочил и не засуетился — поднялся ровно, чуть склонив голову, как хозяин, принимающий неизбежных визитёров.

— Проходите, — произнёс он спокойно. — Присаживайтесь.

Тот, что шёл первым — сухощавый, с цепким взглядом, в идеально сидевшем сером костюме, — кивнул. Садиться не торопился: сначала оглядел кабинет, считывая обстановку. Второй остался у закрытой двери — без движения, обозначая: выхода нет.

— Постановление на осмотр помещений и изъятие документации по финансированию вашей кампании, — ровным тоном зачитал первый. — Также мы должны опросить ряд сотрудников. Начнём с вас.

Мещерский сел, не откидываясь на спинку кресла.

— Хорошо. Я готов. Что именно вас интересует?

— Источники финансирования, — коротко ответил визитёр. — В частности, наличные средства на оперативные расходы.

Мещерский чуть наклонил голову, выигрывая секунду. За эту секунду он прошёл по грани: вспомнил вчерашние договоры, Лену, растерянного Артёма. И понял: оправдываться — смертельно. Нужно дать оперативникам правду, но в той упаковке, которая устроит следствие.

— Наличные средства действительно использовались, — ровно проговорил он. — Обычная практика для предвыборных кампаний: печать, логистика, мелкие выплаты подрядчикам. Всё это отражено в отчётности.

Сухощавый едва заметно приподнял бровь: не надо общих слов.

— В каких именно документах? И кто принимал решение о распределении?

— Решение принимал я, — ответил Мещерский, не делая лишних пауз. — Как руководитель штаба. Отчётность хранится в бухгалтерии — в электронном виде и на бумаге. Я распоряджусь, чтобы вам подготовили нужные папки.

— Мы возьмём сами, — отрезал следователь. — Меня интересует порядок: кто отвечал за доставку, кто контролировал расход, кто имел доступ к кассе?

В груди у Мещерского сжался холодный комок. Они искали не бумаги. Они искали человека, на которого можно повесить организацию незаконной кассы.

— За логистику отвечали координаторы, — сдержанно произнёс Мещерский. — За контроль — финансовый отдел. Доступ был у ограниченного круга лиц. Список я предоставляю.

— Предоставьте. И ещё: нам известно, что вчера в штаб поступила крупная сумма наличными. В коробке. Расскажите об этом.

В кабинете стало слышно, как гудит люминесцентная лампа. Мещерский посмотрел прямо в глаза собеседнику — спокойно, без вызова, удерживая статус руководителя, а не подследственного:

— Да, транш был. Это целевые средства на срочные типографские расходы и транспорт. Всё предусмотрено сметой.

— Почему наличными? — перебил сухощавый. — Не через спецсчёт?

— Потому что банковские проводки идут до трёх дней, а предвыборная гонка — это ритм. Если листовки не выходят сегодня, завтра кампания сорвана. Часть средств приходится держать в оперативном кеше. Это стандартный риск.

Следователь слушал молча. В его взгляде мелькнул профессиональный интерес: знает, как закрывать дыры.

— Кто именно принял эти средства? Назовите фамилии.

Мещерский назвали имена. Не всех — только тех, кто уже светился в официальных ведомостях и чьи подписи всё равно нельзя было убрать задним числом. Голос его не дрогнул.

Сухощавый аккуратно занёс фамилии в блокнот и закрыл его.

— Вы понимаете, что подобный объём наличности — это прямое нарушение финансовой дисциплины?

— Понимаю, — ответил Мещерский. — Но в условиях гонки приходится выбирать между идеальной схемой и реальным результатом. Если есть претензии — мы готовы предоставить пояснения. Моя задача — обеспечить прозрачность.

Следователь чуть усмехнулся — сухо, без тени тепла:

— Прозрачность — это хорошо. Главное, чтобы она не опоздала.

Он поднялся.

— Мы начинаем осмотр бухгалтерии. Затем продолжим опрос названных вами людей.

Мещерский встал вслед за ним:

— Я распоряджусь, чтобы вам оказали содействие.

— Спасибо, — следователь коротко кивнул и вышел.

Когда дверь закрылась, Мещерский остался стоять. Поправил манжеты, медленно снял телефонную трубку и набрал внутренний номер:

— Подготовьте все акты и первичку за три месяца. И свяжите с юристами. Прямо сейчас.

Он повесил трубку и повернулся к окну. За стеклом шумела сумеречная Москва. В коридорах уже топали оперативники, но Мещерский знал: пока он держит тон, пока его ответы звучат убедительно — у штаба ещё есть запас прочности.

Глава 10. Ночной разговор

Квартира встретила Виктора Степановича тишиной — такой плотной, какой в штабе не бывало даже ночью. Там за тишиной всегда прятался гул: смутное дыхание здания, далекие шаги, гул кулера. Здесь тишина была настоящей, домашней. И от этого давила.

Он разулся у порога, поставил ботинки ровно у стенки. Из кухни выглянула жена Нина — с полотенцем в руке и привычным, внимательным взглядом.

— Ты поздно, — сказала она без упрёка, просто фиксируя факт. — Чай тёплый. Поешь разогреть?

Виктор Степанович покачал головой. Есть не хотелось — хотелось просто сесть и перестать держаться прямо.

— Посижу, — ответил он. — Нальешь?

Нина посмотрела на него внимательнее. Вгляделась в лицо и сразу поняла: он не просто застрял на дежурстве.

— Садись, — она подвинула стул и села напротив.

Он положил на стол руки — тяжелые, с сухой, загрубевшей кожей. И вдруг понял, что не знает, с чего начать.

— Сегодня приходили, — проговорил он, подбирая слова. — С ордером. Осматривали кабинеты, забирали папки.

Нина чуть нахмурилась:

— Милиция?

— В костюмах, — честно признался он. — Спокойные, вежливые. Как будто обычную работу делают. От этого только паршивее.

Она не перебивала. Простыми, привычными движениями налила ему чаю и села рядом.

— Я всё время думал, — продолжил он тихо, — что моя задача — просто стоять и смотреть. Проверять карточки. Следить, чтобы всё по правилам. А сегодня стоял и смотрел, как эти правила ломают. И сделать ничего не мог.

— Ты и не должен был, Вить, — мягко сказала Нина. — Ты же охранник, не юрист и не начальник.

Виктор Степанович усмехнулся — сухо, одним уголком губ:

— Вот именно. Охранник. Стою у вертушки, вижу, кто входит, кто выходит. И думаю: а вдруг надо было раньше заметить? Вдруг по глазам видать, когда человек дёргается или боится?

Он замолчал, вспомнив Артёма. То, как парень мял пропуск в свой первый день. И то, как сегодня на секунду замер у проходной, заглядывая Виктор Степановичу в глаза, будто ища хоть какую-то опору.

— Там парень один работает, — сказал он после паузы. — Артём. Молодой совсем. В первый день так волновался, будто от этого пропуска вся жизнь зависела.

Нина тихо вздохнула:

— Переживаешь?

— Переживаю, — кивнул Виктор Степанович. — Потому что, какой из него махинатор? Обычный парень, хотел быть полезным. А теперь сидит там с ними и не знает, как словом не оступить.

Нина потянулась через стол и накрыла его ладонь своей — тёплой, сухонькой, родной.

— Ты ему ничего сделать не мог, Вить.

— Ничего, — Виктор сжал пальцы. — Только кивнул. Чтобы понял: я его помню.

— Иногда и этого достаточно, — тихо сказала Нина. — Знать, что ты не просто фамилия в ведомости.

Виктор Степанович посмотрел на её руку, потом на жену. Напряжение в плечах постепенно уступало место усталости.

— Я всю жизнь думал, что главное на дежурстве — это порядок. Чтобы всё по инструкции, чтобы дверь на замке. А сегодня смотрю: главное-то — люди, которые через эту вертушку ходят.

Нина забрала пустую чашку и бросила в заварник несколько листочков сушёной мяты.

— Иди поспи, — сказала она мягко. — Завтра снова на смену.

Виктор Степанович поднялся из-за стола, благодарно положил руку ей на плечо:

— Спасибо, Нин. За то, что выслушала.

Глава 11. Телевидение

В тесной съёмной комнате телевизор стоял на полированной тумбе. Артём сидел на краю дивана, не решаясь пошевелиться — будто любое движение могло сделать происходящее на экране окончательным.

Сначала шёл обычный выпуск: курс доллара, затор на кольцевой, задержка пенсий, прогноз погоды на завтра. Мир за окном продолжал жить по своим привычным правилам. А потом ведущий с лицом строгим и подчеркнуто беспристрастным произнёс:

— И к событиям политической жизни. В одном из столичных предвыборных штабов сегодня прошли следственные действия. По данным наших источников в правоохранительных органах, речь идёт о возможных нарушениях финансовой дисциплины и использовании неучтённых средств.

На экране мелькнули кадры: знакомый фасад здания, проходная с вертушкой, где Виктор Степанович каждое утро проверял пропуск, люди в серых костюмах, выносящие из дверей плотные папки.

Дальше пошла быстрая нарезка: митинги, печать листовок, лозунги. Закадровый голос диктора звучал ровно, с легкой, еле уловимой металлической интонацией:

«По предварительным данным, в штабе использовались неучтённые наличные средства для оплаты агитационных материалов и работы региональных активистов. В настоящее время проверяется причастность ряда сотрудников к организации незаконных финансовых схем. В самом штабе от официальных комментариев пока воздерживаются».

Артём смотрел на экран и не мог осознать увиденное. Не потому, что это была чистая ложь, а потому, что вся реальность, которую он знал последние недели — с её бессонными ночами, запахом остывшего кофе, спорами у шредера и испуганными глазами Лены, — вдруг уложилась в три сухие фразы и тридцать секунд эфира.

Он потянулся было к пульту, чтобы выключить телевизор, но рука замерла. Ему казалось: если он сейчас нажмёт кнопку, то сам согласится с тем, что всё их дело было не про людей и надежду, а про «неучтённый кеш» и «схемы».

На экране снова появилось спокойное лицо диктора:

— Мы продолжаем следить за развитием событий. Далее в нашем эфире...

Артём так и остался сидеть на диване, глядя в светящийся экран, будто там, за сеткой пикселей, могло проступить хоть что-то настоящее — то, что никогда не уместится в тридцатисекундный сюжет новостей.

Громов

Громов смотрел телевизор стоя, не отрываясь — будто боялся, что если моргнёт, картинка исчезнет. На столе перед ним лежала папка с пометками и стояла чашка остывшего чая. Но он не замечал ни того, ни другого.

Когда на экране появились кадры у штаба, он едва заметно кивнул. А когда зазвучали слова про «неучтённые наличные», на губах змеей скользнула короткая, жёсткая улыбка.

«Следственные органы проверяют причастность ряда сотрудников...».

— Наконец-то, — тихо произнёс он в пустую комнату.

Для него этот сюжет был не новостью, а итогом. Результатом недель работы, бесконечных звонков, ночных встреч, осторожных намёков и прямых угроз. Он знал: система не терпит, когда её правила игнорируют. И сегодня система наконец показала зубы.

Он подошёл ближе к экрану, вглядываясь в мелькающие кадры: вот человек в сером костюме, вот папки с документами, вот подчёркнуто серьёзное лицо корреспондента. Каждая деталь вставала на своё место.

Когда сюжет закончился, Громов не стал смотреть дальше — щелчком выключил телевизор. Подошёл к столу, закрыл папку, подровнял края и убрал её в сейф. Поворот ключа отозвался сухим, приятным щелчком.

— Теперь не отвертятся, — сказал он вслух.

Пружина напряжения, сжимавшая его все эти недели, впервые чуть отпустила. Страх сорвать операцию уступил место холодному удовлетворению.

Стрельцов

Для Стрельцова этот сюжет стал обухом по голове. Он смотрел выпуск, вжавшись в кресло, и чувствовал, как внутри всё вымораживает сухой, паршивый холод.

Когда на экране замаячил знакомый фасад, пальцы сами вцепились в подлокотники. А когда диктор буднично заговорил про «нарушения» и «неучтённый кеш», Стрельцову захотелось вскочить, швырнуть в экран пульт и закричать. Потребовать, чтобы они сказали правду. Не эту сухую, отпрессованную хрень, а настоящую: про людей, про бессонные ночи, про пахоту без выходных, про то, как они вытаскивали кампанию на собственном пупке.

Но он остался сидеть. Голос всё равно утонет в шуме. Для верхов они всегда были просто «кадрами на местах», а их провал — сухой «статьёй расходов».

Реплика о том, что штаб воздерживается от комментариев, добила окончательно. Это звучало как добровольная капитуляция. Как сдача людей.

Стрельцов резко выключил телевизор. В наступившей тишине комната показалась еще угрюмее. Всё, за что они дрались последние месяцы, только что перечеркнули за тридцать секунд эфира.

Он подошёл к окну. За стеклом равнодушно жил вечерний город: мчались машины, мигали рекламные щиты, спешили по своим делам прохожие. Никому из них не было дела до того, что прямо сейчас рушится чей-то мир.

«Надо ехать туда, — мельком подумал он. — Поддержать пацанов, Артёма, Лену... Предпринять что-то».

Но руки опускались. Время было упущено. Любые попытки объяснить теперь смотрелись бы как жалкие оправдания, а оправдываться он не умел и не любил больше всего на свете.

Артём и Лена

Гудки шли долго, будто Лена не решалась поднять трубку или не могла говорить при чужих. Артём сжимал пластмассовый корпус так, что побелели костяшки. Наконец в динамике раздался щелчок, сдержанный вдох и её голос — суховатый, хриплый от усталости:

— Да.

— Это я, — сказал он и сам удивился, как мало этих слов и как много в них сейчас помещалось. — Ты видела?

Лена помолчала — ровно столько, чтобы Артём успел подумать, что связь оборвалась.

— Видела, — ответила она. — И сюжет, и бегущую строку.

Артём хотел спросить: «Что нам делать?», но вовремя осекся — не хотел выглядеть беспомощным, ждущим, что его кто-то вытащит.

— Я не знал, — выпалил он. — Честно. Я просто помогал с развозом. Не думал, что из этого... сделают такое.

Лена выдержала еще одну паузу. Но в ней уже не было отстраненности — только работа мысли.

— Я знаю, — сказала она спокойно. — Ты не умеешь быть частью схем. Поэтому тебе сейчас и мутно.

От этих слов Артёму впервые за вечер стало легче дышать. Не потому, что проблема исчезла, а потому, что его поняли. Не как фигуранта из телевизора, а как человека.

— Что теперь? — спросил он тише. — Если вызовут, что говорить?

— Говори правду, — твёрдо ответила Лена. — Но только ту часть, которую нельзя перекрутить. Не оправдывайся и не додумывай мотивы за других. Просто: да, носил папки. Да, не знал, что внутри. Делал то, что поручали.

Артём сглотнул сухой ком в горле:

— А если спросят, почему не уточнил? Подозрительно же.

— Скажи как есть: в штабе лишних вопросов не задают. В штабе работают. Это не отмазка, Артём, это факт.

В трубке снова повисла тишина, но теперь она не давила. В ней появилось ощущение плотной, надёжной опоры.

— Спасибо, — тихо сказал Артём. — За то, что не врешь, будто всё будет хорошо.

— Потому что не знаю, как будет, — честно ответила Лена. — Но пока мы держимся фактов и не выдумываем лишнего, у нас есть шанс.

И Артём впервые за эти бесконечные сутки поверил, что «шанс» — это не просто слово из словаря.

Экстренное совещание и зацепка Лены

Кабинет Мещерского был набит битком, но теснота не создавала ощущения привычной рабочей суеты. Люди стояли вдоль стен, не решаясь присесть — будто расслабленная поза могла показаться сдачей.

Мещерский стоял у окна — не ради пафоса, а чтобы видеть каждое лицо.

— У нас два фронта, — чеканно произнёс он. — Следствие и телевидение. Против следствия мы выставим юристов, регламенты и первичку. Против телевидения — только факты. А они в телевизионной трактовке выглядят как криминал.

Кто-то в углу попытался возразить: мол, мы же всё делали по совести. Мещерский поднял руку — без крика, но так, что возражения мгновенно захлебнулись.

— Сейчас не время для обид, — срезал он. — Время считать риски. Первое: все черновики и неофициальные списки собрать и передать юристам. Второе: каждый, кто держал в руках наличность, готовит единую формулировку: «Получил под отчёт на оперативные расходы, передал бригадам, ведомости сдал». Повторяйте как молитву. На любые уточнения ответ один: «Уточняйте у руководства».

Он перевел взгляд на Лену, стоявшую у стены.

— Лена, на тебе детали. Найди всё, что можно пришить к делу как обоснование. Хоть один приказ, хоть служебку с визой. Что угодно, что переведёт «схему» в статус официального решения штаба.

Лена коротко кивнула:

— Я уже нашла.

В кабинете замерли. Мещерский сдержанно приподнял бровь.

— В «Архиве 95», который убран в подсобку, лежит служебная записка от финансового куратора. Там прямым текстом: «Ввиду задержек банковских проводок допускается выдача наличных средств координаторам для покрытия срочных расходов». Есть дата, входящий номер и подпись.

По комнате прошёл тихий, прокатившийся от двери к окну выдох.

— Принеси, — спокойно сказал Мещерский, хотя в глазах мелькнула острая вспышка.
— Пусть юристы подготовят копии.

Стрельцов, стоявший у двери, качнул головой:

— Бумажки не спасут, если нас размажут по репутации. Телевидение уже сделало из нас преступников. Пока мы будем трясти служебками, люди у экранов запомнят только сюжет.

— Значит, нужен голос, — ответил Мещерский. — Официальный ответ. Не «отказались от комментариев», а жесткое, сухое заявление. Мы не отрицаем кеш. Мы объясняем, почему он был неизбежен, и показываем готовность отчитаться за каждую копейку.

Стрельцов расправил плечи:

— Я выйду к камерам. Спокойно, без соплей и эмоций.

— Готовь текст, — Мещерский внимательно посмотрел на него. — Только факты. Никаких оправданий.

Лена шла по коридору быстро, не привлекая внимания.

В подсобке пахло пылью и слежавшимся картоном. Отодвинув тяжёлые коробки с бумагой для ксерокса, она достала потёртую папку с наклейкой «Архив 95».

Служебная записка лежала сверху. Лена бегло пробежалась по строчкам: формулировки, штамп входящего, дата — всё сходилось. Документ был чистым.

Но в самом низу, на полях, она зацепилась взглядом за мелкую деталь. Карандашная пометка, почти стёртая пальцами: «Согласовано с Г.». И чуть ниже — едва различимая аббревиатура: «Гр.».

Лена замерла.

«Гр.»... Громов?

Тот самый Громов, который с первых дней ходил вокруг финансовых отчётов с въедливой, аккуратной идолопоклоннической вежливостью? Тот, кто «случайно» оказывался рядом, когда обсуждались наличные для курьеров?

Разрозненные эпизоды мгновенно сложились в ровный цепочный ряд.

Он не просто контролировал, — поняла Лена, чувствуя, как внутри всё собралось в тугой узел. — Он фиксировал каждую визу. И, скорее всего, именно он слил информацию следователям. Или сразу на ТВ.

Лена переложила записку в чистую папку. Достала из кармана блокнот и быстро зафиксировала: «Гр.» — Громов. Проверить: доступ к архиву, даты его запросов в бухгалтерию, выходы на прессу.

Она закрыла подсобку, сдвинула коробки на место и вышла в коридор, удерживая ровное, будничное выражение лица.

Враг был не снаружи. Он ходил с ними по одним коридорам, пил тот же остывший чай и ждал, когда штаб окончательно поплывёт.

Редакция

В редакции новостей было шумно, но этот шум кардинально отличался от штабной суеты. Здесь не вели кампаний — здесь из обрывков видео и фраз конструировали эфирную реальность.

Монтажёр щёлкал клавишами, подгоняя кадры: фасад здания, люди с папками на проходной, архивная нарезка с митингов. Рядом стоял выпускающий редактор с распечаткой текста, на ходу вычёркивая лишнее.

— «Неучтённые средства» оставь, — бросил он молодому корреспонденту. — Это бьёт по ушам. А вот про «возможные нарушения» перепиши. Сделай утвердительное, пусть звучит как факт, а не как гадание.

Корреспондент быстро закивал, делая пометки. В нём не было злости — только сухой прагматизм. Для него этот сюжет был не чьей-то сломанной жизнью, а минутой хорошего хронометража.

— И в конце обязательно добавь, что в штабе от комментариев воздержались, — продолжал редактор. — Отличная точка. Сразу создаёт нужный подтекст: раз молчат — значит, прижали.

Монтажёр коротко хмыкнул, не отрываясь от монитора:

— Я сегодня на съёмке видел у них парня на проходной. Тихий такой, дерганный. В глаза смотрит, будто виноват заранее.

Редактор равнодушно пожал плечами:

— Нас не его глаза интересуют. Нас интересует картинка. А картинка у нас собрана.

На экране мелькнул фасад здания уже в финальной склейке. Кадры сменяли друг друга плотно, безапелляционно — как кирпичи в стене, которую потом попробуй разбери.

— Пускай в блок, — распорядился редактор. — В ближайший выпуск.

Сюжет ушёл по кабелю в эфир — туда, где тридцать секунд монтажа без труда переписывали настоящую историю.

Глава 12. Паника

Страх не ворвался в офис с грохотом — он просочился незаметно, заполнив коридоры тихим, липким оцепенением. Сначала это проявлялось в чужих взглядах: люди отводили глаза, боясь встретиться с кем-то в упор. Затем изменились шаги — то суетливые и частые, то резко обрывающиеся у дверей. Разговоры у кулера утихли, сменившись полупшепотом.

Артём стоял у окна в конце коридора. Не ради вида на улицу — просто за окном, среди потока машин и спешащих прохожих, шла обычная, понятная жизнь, где никто не смотрел на тебя с подозрением.

В кармане сработала вибрация. На экране вспыхнул незнакомый городско номер. Сердце оборвалось. Артём не стал отвечать — сбросил вызов и спрятал телефон в карман. Ему хотелось остаться единственным человеком, которому прямо сейчас не нужно ни перед кем оправдываться.

В голове крутились слова Лены: «Только факты. Никаких оправданий». Но следом накатывали душевные волны сомнений: А если спросят про расписки? А если кто-то из парней уже всё сдал? А если...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.